Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17103
EDN: JQAXOZ

Поэтика оды Г. Р. Державина «Христос»

Г. В. Мосалева

Удмуртский государственный университет
(*г. Ижевск, Российская Федерация*)

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается вершинный характер и онтологические смыслы пасхальной «триоди» Г. Р. Державина. Оды «Бог», «Хритос», «На тленность» рассматриваются в контексте времени и вечности — одной из главных проблем творчества поэта — как единый цикл. Опровергается мнение о том, что религиозная проблематика в поэзии Державина связана с его творческим упадком и старением. Аргументируется сознательная ориентация Державина на кирилло-мефодиевскую традицию в трех названных одах поэта, что подтверждают, прежде всего, ссылки преимущественно на Священное Писание. Образ Христа является смыслообразующим во всех трех одах Державина. Строфика оды «Христос» соотносится со Святой Четыредесятницей и ее литургическим циклом. Главным событием оды является встреча поэта со Христом, отражающая личный опыт Державина. В статье показывается распространенность в оде образов храмового зодчества, отмечается иконографичность образа Христа: движение сюжета в оде осуществляется от иконографии праздников к изображению Неизобразимого — самой Личности Христа. Парадокс воплощения Образа состоит в использовании риторических образов и приемов (анафоричность), приводящих к сверхриторическому итогу. Державин отказывается от масок ритора, витии, свойственных античной эстетике. В статье отмечается нарастание в оде мотивов литургичности и пасхальности, обнаруживающих поступательное развитие идеи Любви как одного из имен Бога. Разрешение конфликта между временем и вечностью осуществляется в оде «На тленность». Отказываясь от славы, Державин свидетельствует: вне Христа абсолютной ценностью не обладают ни царства, ни поэзия.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, поэтика, духовная ода, онтология и эстетика, церковный канон, Бог, Христос, христоцентричность, литургичность

Для цитирования: Мосалева Г. В. Поэтика оды Г. Р. Державина «Христос» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 91–117. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17103. EDN: JQAXOZ

© Г. В. Мосалева, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17103
EDN: JQAXOZ

The Poetics of Gavriil Derzhavin's Ode "Christ"

Galina V. Mosaleva
Udmurt State University
(*Izhevsk, Russian Federation*)
e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the pivotal nature and ontological meanings of G. R. Derzhavin's Easter "triodion." The odes "God," "Christ," and "On Transience" are examined in the context of time and eternity — one of the main issues in the poet's work — as a single cycle. The view that the religious themes in Derzhavin's poetry are linked to creative decline and aging is refuted. It argues that Derzhavin's deliberate focus on the Cyrillo-Methodian tradition in these three odes is evident from his reliance on the Holy Scriptures and the absence of a European literary context. The image of Christ plays a central role in all three odes. The stanzaic structure of the ode "Christ" is related to Great Lent and its liturgical cycle. The main event of the ode is the poet's encounter with Christ, which reflects Derzhavin's personal experience. The article highlights the prevalence of images of temple architecture in the ode and the iconographic nature of the image of Christ, as the plot progresses from the iconography of holidays to the depiction of the Ineffable — the very Person of Christ. The paradox of the Image's embodiment lies in the use of rhetorical images and techniques (anaphora), which lead to a super-rhetorical result. Derzhavin rejects the masks of the orator and the rhetorician, which are characteristic of ancient aesthetics, and instead relies on personal experience. The increasing emphasis on liturgical and Easter themes in the ode reveals the progressive development of the idea of Love as one of the names of God. The resolution of the conflict between time and eternity is achieved in the ode "On Transience." By rejecting temporary glory, Derzhavin testifies: outside of Christ, neither the kingdom nor poetry has absolute value.

Keywords: Derzhavin, poetics, spiritual ode, ontology and aesthetics, church canon, Christocentricity, liturgicity

For citation: Mosaleva G. V. The Poetics of Gavriil Derzhavin's Ode "Christ". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 91–117. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17103. EDN: JQAXOZ (In Russ.)

В отличие от оды «Бог», созданной за тридцать лет до оды «Христос» (1814), последняя в изучении наследия Державина является таинственной фигурой умолчания. И это в контексте *времени и вечности*, одной из основных проблем поэтики Державина, понятно.

В XIX в. поэзию Державина по достоинству смогли оценить вскоре после кончины поэта в 1816 г. П. А. Вяземский, написавший заметку «О Державине» [Вяземский], Н. А. Полевой [Полевой] и Н. В. Гоголь [Гоголь]. Для Вяземского Державин «певец всех веков и всех народов», «лучезарнейшее светило», «певец Екатерины Великой», смотревший «на природу быстрым и светозарным взором поэта-живописца»; «северный бард», «великий и добродушный старец». Необычным лишь выглядит сравнение Державина с орлом, а Ломоносова с, казалось бы, державинским символом — лебедем [Вяземский: 10]. Вяземский убежден в превосходстве Державина над Анакреоном: «Сомневаюсь, чтоб Анакреон превзошел нашего певца в прелести и простоте стихотворений, освященных его именем <…> В самом подражании его нет ничего рабского, заимственного» [Вяземский: 9].

Для В. Г. Белинского же, назвавшего Державина «первым живым глаголом юной поэзии русской» [Белинский: 73], поэт был лишь «историческим явлением», воплощением России Екатерининского века, хоть и великим русским поэтом, но не Пиндаром, Анакреоном, Горацием [Белинский: 73].

В духовных одах Державина, пожалуй, за исключением оды «Бог», некоторые критики видели угасание поэтического дара, хотя религиозная проблематика в равной степени присуща всему творчеству поэта. Собственно, вне религиозного контекста полнота восприятия анакреонтических и гражданских мотивов Державина невозможна. Прав П. Е. Бухаркин, утверждая, что «XVIII столетие не было выпадением из общей системы русской культуры, единой при всем своем многообразии. И, значит, вряд ли возможно говорить применительно к нему о смене религиозно-духовных ориентиров», сохраняющих древнерусские основы [Бухаркин: 78]. Действительно, литература XVIII в. всеми своими корнями связана с древней отечественной словесностью, произрастает из нее, так же, как литература XIX в. из литературы XVIII-го.

Для Белинского же и ценность оды «Бог» принадлежала прошлому. Критик употребляет по отношению к ней глагол прошедшего времени *считалась*: «Ода "Бог" *считалась* [то есть во времена Белинского уже не считается, — примеч. и курсив мой. — *Г. М.*] лучшею не только из од духовного и нравственного содержания, но и вообще лучшею из всех од Державина» [Белинский: 55]. А такие оды, как «Добродетель», «Бессмертие души», «Христос», «Истина», «Слепой случай» и несколько других, приведенных Белинским в статье «Сочинения Державина», — это и вовсе, по характеристике критика, «диссертации в стихах», «реторика», «арифметика» [Белинский: 17–18].

Возможно, такое представление Белинского связано со слишком короткой исторической дистанцией, делающей невозможным объективное восприятие ближайших потомков, старших современников. Хотя Н. А. Полевой, принадлежащий к одной с Белинским эпохе, напротив, не разделял мнения об угасании творческого дара Державина. Поэт, по мысли критика, «не состарелся» [Полевой: 184]. Приводя строки из стихотворения «Геба», Полевой восклицает: «*И* это писал Державин, когда ему было *около 70 лет*» (в источнике выделено курсивом. — *Г. М.*) [Полевой: 184].

В XIX в. уже доминировала мода на «светскость»; все церковное, религиозное считалось явлением допетровской Руси, неевропейской России:

> «Русский язык вдруг получил свободу и легкость перелетать от предмета к предмету, незнакомую Державину <…> Но поверхностная эпоха не могла дать богатого содержания нашей поэзии: одно общесветское стало ее предметом, и она сделалась сама похожею на умного и ловкого светского человека, когда он сидит в гостиной и ведет разговор совсем не затем, чтобы поведать душевную исповедь свою… Последние звуки Державина умолкнули, как умолкают последние звуки церковного органа, и поэзия наша по выходе из церкви очутилась вдруг на бале» [Гоголь: 162].

Но если для критика XIX в. одним из главных препятствий в поэзии Державина был «архаичный», то есть церковнославянский язык, служащий для воплощения явлений духовного ряда, то по прошествии времени и в его современном контексте язык

Державина «помолодел», стал восприниматься как вневременное явление, принадлежащее не к прошлому и настоящему, а, скорее, к будущему веку, воплощенное пусть в своеобразной, в ретро, но все же в уникальной и нестареющей форме. Для людей, далеких от живой литургической жизни, церковнославянские слова, возможно, воспринимаются как «архаизмы» и «церковнославянизмы». Но для поэта и для разделяющих его мировосприятие читателей церковнославянская стихия языка — родная, иконичная, вечная, предназначенная для разговора с Богом.

Кстати, А. Мицкевич воспринял оду «Христос» как текст, сочиненный Державиным в молодом возрасте [Державин, 1865; т. 2: 3]. Отзыв Мицкевича об оде привел Я. К. Грот в комментариях к ней в первом академическом собрании сочинений поэта [Державин, 1866; т. 3: 193–194]. Сам же Грот об оде «Христос» говорил в весьма сдержанном тоне, в духе уже секуляризованной эпохи:

> «…въ этой одѣ выражены высокія и святыя истины, но это не поэзія, тѣмъ болѣе что онѣ облечены въ тяжелый, неизящный стихъ» [Державин, 1880; т. 8: 938].

Игнорирование духовной поэзии Державина в советскую эпоху соответствовало атеистической идеологии, и ода «Христос», как правило, исключалась из поэтических сборников Державина. В советских историях литературы XVIII в. она упоминается лишь вскользь, а чаще и не называется. Первым научным подступом к изучению оды «Христос» является фрагмент из главы, посвященной Державину, в книге М. М. Дунаева «Православие и русская литература» [Дунаев]. В статье Е. Е. Приказчиковой ода становится уже предметом отдельного научного изучения [Приказчикова].

В современных работах И. Клейна [Клейн] о русской литературе XVIII в., казалось бы, есть главы, посвященные, в том числе и духовным одам Державина «Бог» и «Христос». Однако исследовательский взгляд на последнюю из них представляется нам некорректным. Так, по определению Клейна, ода «Христос» — это «исповедь самого Державина, вернувшегося

на старости лет к своим религиозным корням» [Клейн: 240]. Как видим, уже в начале XXI века вновь всплывает все та же мысль об исчерпанности творчества Державина в соотнесении с религиозной проблематикой. Клейн развивает идеи Г. А. Гуковского [Гуковский], по большей части обусловленные атеистической идеологией или связанные с вопросами влияния на творчество Державина западноевропейских стилей, жанров и течений.

Вместе с тем в работах Гуковского о Державине есть необусловленные атеистической пропагандой наблюдения и открытия, обладающие потенциалом для их дальнейшего развития. Таково наблюдение Гуковского о Державине как предтече реализма: «В самой сущности своего поэтического метода Державин тяготеет к реализму» [Гуковский: 296]. Заслуживает особого внимания и предложенное Гуковским определение основного субъекта державинской поэзии как «героя-автора» [Гуковский: 301]. Именно с этим образом связано одно из основных свойств поэтики Державина — соединение биографического, исторического, онтологического контекстов.

Как известно, даже близкие к эпохе поэта критики затруднялись с определением метода, присущего поэзии Державина: «…судимый по уложению русского гения, не по старой классической и не по романтической современной мерке, Державин становится вековым поэтом. Не певец Фелицы, не сочинитель только оды "Бог" является нам в Державине, но истинный представитель гения России, дикого, неконченного, неразвитого, но — могучего, как земля русская, крепкого, как душа русская, богатого, как язык русский! Державина должно отделить от всех его современников и последователей. При измерении окрестных полей Этна и Везувий не входят в межеванье землемерское» [Полевой: 191–192]. Спустя столетие в этом же ключе высказывается и В. Ф. Ходасевич: «А Державин! Но тут уж творится нечто вовсе несообразное. Тут под могильной плитой "лжеклассицизма" заживо погребен просто огромный поэт, которым всякая иная литература… гордилась бы по сей день» [Ходасевич: 16]. Как видим, Полевой, Ходасевич, Гуковский «вывели» Державина за рамки классицизма. Мысли критиков о переоценке статуса Державина в связи с невозможностью

однозначного определения художественного метода поэта являются серьезной научной основой для дальнейших исследований, направленных на установление специфики его поэзии и ее историко-культурных и духовных связей.

В общем деле возвращения читателю наследия Г. Р. Державина в его подлинном звучании особая роль принадлежит электронному изданию Полного собрания сочинений поэта, предпринятому Web-лабораторией Петрозаводского государственного университета под руководством филолога Н. И. Соболева[1]. В результате осуществления этого уникального проекта петрозаводскими учеными читатель получает возможность быстрого доступа к «библиографической редкости» — изданию Я. К. Грота, воспроизводящему авторскую орфографию и пунктуацию, от чего отказываются современные издатели Державина и что, в свою очередь, приводит к утрате авторского текста, аутентичного эпохе. Наряду с общедоступностью главным достоинством гротовского издания стало то, что петрозаводские филологи дополнили его новыми данными: «вариантами и редакциями текстов произведений из первых прижизненных изданий», а это отвечает требованиям современной эдиционной практики. Особой ценностью этого проекта является наличие в нем «Конкорданса Державина», что существенно облегчает работу с контекстами и является современным инструментом в изучении всего корпуса поэзии.

Принципиально значимыми для подлинно научного понимания поэзии Державина являются работы Д. Л. Башкирова [Башкиров, 1998, 2001], М. М. Дунаева [Дунаев], И. А. Есаулова [Есаулов], В. Л. Коровина [Коровин, 2017, 2018, 2023] — своего рода методологическое основание для последующего изучения поэтики Державина вообще и его духовных од в частности, соединяющих в себе поэзию и богословие, автобиографию и историческое событие, личное и вселенское.

Если об оде «Бог» известны многие источники и подробности ее создания, связанные с конкретным временем, местом и обстоятельствами (имеются, наконец, «Объяснения» самого Державина [Державин, 1866; т. 3: 593–594]), то сведения об оде

[1] Творчество Гавриила Романовича Державина // PHILOLOG.RU [Электронный ресурс]. URL: https://derzhavin.petrsu.ru/ (10.08.2026).

«Христос» можно почерпнуть только из комментария Грота к ней: ода была создана в начале 1814 г. и тогда же опубликована в типографии Военного министерства отдельным изданием под заглавием «*Христосъ. Свыше Благословенному приношеніе*. Имя автора только въ концѣ» с подписью автора [Державин, 1866; т. 3: 194]. В «Примечаниях» Грота к оде читаем, что она «сохранилась въ одномъ только чистомъ спискѣ» [Державин, 1866; т. 3: 209], однако «изъ другихъ бумагъ поэта видно, что предъ изданіемъ ея, въ 1814 году, была представлена въ цензуру иная редакція» [Державин, 1866; т. 3: 209]. Грот сообщает, что посредником между Державиным и духовной цензурой выступил архипастырь Филарет (Дроздов), занимавший в то время должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Об этом свидетельствуют два его письма к поэту от 10 и 28 марта 1814 года [Державин, 1866; т. 3: 209]. Грот сетует на то, что Державин «долженъ былъ по нѣскольку разъ измѣнять многія строфы» [Державин, 1866; т. 3: 209], однако письма «отъ архимандрита Филарета» были в высшей степени почтительными: в них сообщалось, что избранные Державиным «разсмотрители» приняли требуемые исправления и одобрили работу к «напечатанию». В конце письма от 28 марта архимандрит Филарет пожелал Державину «съ свѣтлымъ радостію сердцемъ срѣтить свѣтлый славою Господа нашего день» [Державин, 1876; т. 6: 323], то есть Пасху Господню, приходившуюся в 1814 г. по старому стилю на 10 апреля.

Ода «Христос», таким образом, входит в *пасхальный контекст* оды «Бог», является ее продолжением и вызвана все теми же чувствами пасхального переживания, охватившими Державина в 1780-м году на всенощной в Светлое Воскресение [Державин, 1866; т. 3: 594]. Объяснения Державина на замечания цензора в отношении оды «Христос», приведенные Гротом, содержат твердые принципы поэта в отношении понимания им богословских мыслей, не противоречащих Священному Писанию. Вместе с тем в конце письма Державин высказывает принципиально важные для него идеи, которыми он руководствовался при создании оды:

> «…піитъ не есть догматикъ: онъ говоритъ иногда загадочно, подразумѣваемо, кратко, а иногда съ нѣкоторою свободою или

> вольностію. — Сіе ему тѣмъ паче кажется извинительно, что самое богословіе подвержено разнымъ противорѣчіямъ. — Доказательство сему — что находится въ библіотекѣ многихъ вѣковъ нѣсколько тысячъ богословскихъ и философскихъ споровъ, еще по сіе время нерѣшеныхъ и никогда рѣшиться не могущихъ, потому что судебъ и таинъ Божіихъ никто изъ смертныхъ изъяснитъ не можетъ» [Державин, 1866; т. 3: 210].

На преобладание в творчестве Державина «поэтической» стихии обратил внимание еще Полевой: «Восторг самодовольный, жар души, сила и живопись слова — вот отличительные свойства созданий Державина» [Полевой: 179]; «Как поэт-живописец Державин станет наряду с величайшими поэтами мира. Он весь в картинах…» [Полевой: 183]. Однако и богословствовал Державин в его «духовных пьесах», по замечанию Полевого, как «библейский патриарх» [Полевой: 173]. Наблюдения Полевого согласуются с собственными рассуждениями Державина об оде, относимой им к лирической поэзии, самой древней, явившейся «отъ самыхъ пеленъ міра» [Державин, 1872; т. 7: 517]. Источник ее появления, по Державину — это восторг перед творением Божиим:

> «Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ воскликновеніем» [Державин, 1872; т. 7: 517–518].

Ода «Христос» начинается эпиграфом «Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною», воспроизводящим 6 стих из 14 главы Евангелия от Иоанна, что весьма символично для русской литературы. «Братья Карамазовы», как известно, тоже открываются стихами апостола Любви. К оде «Христос» Державин предпослал 82 примечания, связанные с отсылками к Священному Писанию. Каждая поэтическая мысль оды Державина восходит к высшему авторитету, тем самым встраивая авторское мировоззрение в сакрально-культурную парадигму древнерусской книжности. Это актуализация смысловых ориентиров теоцентрического сознания в новом историческом измерении.

Заметим, что апелляций к Священному Писанию на самом деле оказывается больше, чем примечаний (свыше 90), потому что в одном примечании может содержаться несколько

источников. Так, в примечании ко второй строфе Державин соотносит поэтические строки «Лице, какъ солнца красоты! / Хитонъ, какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!» [Державин, 1866; т. 3: 194] со стихами «Лице его яко солнце» (Мф. 17:2) и «Ризы блестящи яко снѣгъ» (Мк. 9:3).

Из 82 примечаний 17 относятся к Ветхому Завету и 3 — к Псалтири. Из Ветхого Завета Державин обращается к Книге Бытия (четырежды), Даниилу (трижды) и Исаие (дважды). Одиночные апелляции восходят к Числам, Иову, Аввакуму. Остальные шестьдесят пять ссылок отнесены к Новому Завету. Больше всего ссылок восходит к Евангелию от Иоанна: их двадцать две; дальше следует евангелист Матфей (17), за ним — Лука (4). Одна ссылка из евангелиста Марка. Державин соотносит поэтические строки и с Апостолом: в отношении к Деяниям насчитывается три ссылки. Из Посланий в оде «Христос» встречаются апелляции к Первому соборному посланию апостола Иоанна Богослова (1), Посланию апостола Павла к Римлянам (1), к Первому (1) и Второму (3) посланиям к Коринфянам, к Галатам (3), к Колоссянам (4), к Первому (1) и Второму (1) посланиям к Тимофею, к Евреям (4).

Многочисленность обращений к Священному Писанию настолько органична и пронизана живым чувством любви к Божьему Слову, что исключает мысль об его искусственности. Цель соотнесения поэтического слова со словом Писания у Державина состоит в мысли о необходимости подлинного общения человека с Богом. Кроме апелляций к Священному Писанию, других в оде «Христос» не существует. Это чрезвычайно интересный факт, демонстрирующий ориентацию Державина исключительно на кирилло-мефодиевскую традицию. Показательно, что в одах «Бог» и «Христос» литературный контекст вытеснен сакральным, а это свидетельствует об отказе Державина от европоцентричной идеи, вторичной для русской культуры и истории и, напротив, выборе поэтом теоцентричного пути, отстаивании православного вектора движения: от литературы к словесности.

Обращение Державина к стихии церковнославянского языка словно говорит о возвращении к метафразису, обуславливающему более точное следование источнику. Однако в оде

«Христос» мы видим реализацию поэтического парадокса: чем ближе к первоисточнику (Священному Писанию), тем у поэта больше внутренней поэтической свободы и тем он ближе к совершенству.

Ода «Христос» грандиозна: она состоит из сорока восьмистрочных строф, написанных четырехстопным ямбом. Поскольку ода связана с пасхальным контекстом, можно предположить, что ее строфика соотносится со Святой Четыредесятницей, службы которой ведутся по Постной Триоди. Великий пост посвящен сорокадневному воздержанию Спасителя, искушаемому в пустыне сатаной. Онтологическая идея оды соответствует сути Великого поста, состоящей в соединении человека со Христом. Главное событие оды — встреча человека с Богом, общение с Ним и последующее обожение.

Е. Е. Приказчикова выделила в оде четыре части [Приказчикова: 143], ориентируясь на содержательный принцип, при котором ода предстает как результат авторской прагматики. Мы же в понимании композиции исходили из диалогических отношений автора и Творца, влиянии на оду храмово-литургической модели, присущей древней русской словесности. Согласно такому пониманию, в оде пять частей. Первая и последняя части образуют рамку оды. Первая часть состоит из одной строфы, представляющей собой Вступление, подобное житийному топосу. Несмотря на краткость, оно богословски содержательно: поэт, приступающий к словесному изображению Христа, начинает с мысли о невозможности воплощения Первообраза ни пером, ни зрением, ни слухом, «ниже витійства языкомъ» [Державин, 1866; т. 3: 193]. Последнее отрицание важно: оно констатирует бессилие рационалистических способов всех видов искусства, в том числе и риторического (витийства), изобразить Христа. И неизбежно возникает вопрос: а как можно?

Ответ на этот вопрос Державин дает в этой же строфе:

«…духомъ

И вѣрой пламенной молить!» [Державин, 1866; т. 3: 193–194].

Эти строки указывают на сверхриторическое условие художественного постижения и воплощения Образа. Как и древнерусский книжник, Державин связывает поэтический дар с харизмой (благодатностью), дарованной Богом:

«Твоею благодатью плѣнный,
Какъ бы на небо восхищенный,
Тебя дерзаю я гласить» [Державин, 1866; т. 3: 194].

Подобно книжнику во вступительной части текста, который просит у Бога помощи в своем смиренном делании, Державин также следует этому опыту. Он, двигаясь в пределах антиномии смирения и дерзновения, обращается к Священному Писанию:

«*Никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ*» (1Кор. 12:3) (в источнике выделено курсивом. — *Г. М.*) [Державин, 1866; т. 3: 193].

Державинский Поэт «дерзает» «гласить» Христа из небесного топоса, отказываясь от гностического познания и возлагая надежду на сверхрациональные условия: веру, молитву, любовь.

Вторая часть (строфы 2–12) представляет собой напряженный поиск ответа на вопрос «Кто Ты». Анафорическое вопрошание скрепляет строфы в единое целое, а отсутствие вопросительного знака в ряде строк подчеркивает нериторичность, исповедальную природу пафоса. Пожалуй, это самая драматичная часть оды: Поэт не просто вопрошает, но молит Христа открыться и помочь Его изобразить.

С начала второй строфы Христос предстает иконографически, визуально:

«Лице, какъ солнца красоты,
Хитонъ, какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!»
[Державин, 1866; т. 3: 194].

Символами Первообраза здесь выступают детали Облика и световая лексика («изъ ребръ нетлѣнныхъ льется кровь», «лучи», «свѣтъ» [Державин, 1866; т. 3: 195]), воплощающие Слово. Атрибутами божественного Имени в третьей строфе

выступают «слава», «хлѣбъ жизни», «животъ струй вѣчныхъ», «единая къ спасенью дверь» [Державин, 1866; т. 3: 195].

Четвертая строфа носит пророческий характер: она повествует о предвозвещении Христа сивиллами, магами и пророками и перекликается с мотивом нисхождения Бога на землю.

В пятой строфе символика камня (Дан. 2:34) раскрывает сущность Христа как силы, сокрушающей кумиры мира и преображающей стихии:

«…пламень
Внутрь пещи въ росу претворилъ» [Державин, 1866; т. 3: 196].

Сам Поэт определяет Бога как Мессию:

«…чаяньемъ языкомъ былъ» [Державин, 1866; т. 3: 196]).

Шестая строфа воссоздает иконографию Рождества: она сопровождается образами *звезды, царей, волхвов, верта* (*вертепа*), *яслей и ангелов*. Седьмая строфа посвящена Крещению Господню. Восьмая — исцелению людей и укрощению стихий и духов. Девятая — славе Преображения Господня, в которой мотив «живыхъ и мертвыхъ душъ» [Державин, 1866; т. 3: 197] получил впоследствии гениальное развитие у Гоголя. Десятая строфа посвящена иконографии Распятия Господня «на древѣ крестномъ» [Державин, 1866; т. 3: 198]. Одиннадцатая связана с проблемой изображения Неизобразимого — постижения Бога через антиномии величия и ничтожности, нетления и тления, божественного и человеческого. Эта же тема богочеловечества (соединения во Христе двух природ) отчетливо была выражена в одном из ранних текстов древнерусской словесности — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. В двенадцатой строфе второй части происходит кульминация лирического пафоса. По замечанию Грота, Мицкевич особенно выделял 12, 13 и 15 строфы оды [Державин, 1866; т. 3: 194]. В них поэт приходит к пониманию непостижимости Бога своими силами (Творец есть «тайнъ глубокихъ океанъ» [Державин, 1866; т. 3: 198]), осознанию невозможности открыть Бога вне молитвы:

«Открой себя, открой, молюсь!» [Державин, 1866; т. 3: 199].

Во второй строчке тринадцатой строфы раздается глас Бога:

«…гласъ слышу сердца въ дверяхъ» [Державин, 1866; т. 3: 199].

Этой строфой открывается третья часть оды (13–23 строфы). В центре ее — Божий глас, возвещающий о Божественном Промысле. Четырнадцатая и пятнадцатая строфы посвящены воплощению Божества в человеке согласно догмату о Святой Троице:

«И въ человѣкѣ Божество,
Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!» [Державин, 1866; т. 3: 199–200].

Мицкевича, по-видимому, поразила способность Державина передавать «незримое» как «всезримое», даже саму тайну встречи и разговора человека с Богом, при которых человек уподобляется зеркалу, отражающему «Творца безсмертна» [Державин, 1866; т. 3: 200]. В противовес предыдущим строфам, 16–17 строфы посвящены отпадению человека от Создателя вследствие гордыни и влюбленности в «красоту свою» [Державин, 1866; т. 3: 200]. Поскольку в отпадении человека участвовала свобода его воли, то и условием возвращения к Богу является волевое усилие. Восемнадцатая строфа посвящена драматизму падения человека, не способного «возстать» [Державин, 1866; т. 3: 201] без Бога. В девятнадцатой строфе изображается соединение Адама с Богом:

«На свѣтъ Имъ трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ» [Державин, 1866; т. 3: 201].

Имя Христа впервые появляется в самой середине оды, в двадцатой строфе:

«Адамъ бы падши не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился» [Державин, 1866; т. 3: 201].

В этих строках утверждается идея Воскресения Адама и возвращение его в бессмертие:

«Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу» [Державин, 1866; т. 3: 202].

Двадцать вторая строфа завершается наставлением Поэта:

«…разумъ вѣрѣ покорять» [Державин, 1866; т. 3: 202].

Для классицистической поэтики это определенно парадоксальная формула, тогда как для самого автора, следующего святоотеческой книжной традиции, она остается внутренне последовательной. В финальной для третьей части двадцать третьей строфе появляется *соборное мы*, объединенное стремлением и горением любви к Богу.

Четвертая часть оды самая объемная: она охватывает строфы 24–38 и всецело посвящена миссии Христа и постижению глубин христианского учения. На протяжении этих строф Державин воспроизводит титулы Христа как Богочеловека, воплощенного в мире Слова: Христос воплощение Истины, Правды, Веры и Добродетели. Ода «Христос» является квинтэссенцией всей религиозной лирики Державина. Многие христологические символы встречались в более ранних духовных одах и стихотворениях поэта. Среди других имен Христа в названных строфах встречаются такие: Христос Подвигоположник, Царь-Законодатель, Первосвященник, Избавитель от греха, Любовь, Незримый Свет триипостасный, Искупитель, Всесвятый, Превечный, Отец щедрот и милосердия.

Имя *Иисус* появляется в тридцать первой строфе («Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ» [Державин, 1866; т. 3: 204]) в связи с идеей обожения человека. В этой части внимание Поэта сосредоточено на божественной природе Христа, состоящей в подвиге самоотречения:

«Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ,
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ» [Державин, 1866; т. 3: 205].

Ода «Христос» предстает как поэзия сакрального Имени, не умещающаяся в представление о европейских стилях. В ней отражается опыт воплощения Невыразимого и Непостижимого. Державин словно выступает из времени, жанровых и стилевых канонов, наследуя церковно-книжной традиции, причем не законнически, а творчески, в духе священной поэзии. Как поэт-гимнограф, он совершенствует канон в процессе самого творчества. В оде образы не статичны — они последовательно

усложняются, вырастая из внутреннего мира поэта и обретая умозрительную, созерцательную ясность. Оде свойственны иконографический иератизм (сакральная простота) и онтологическая ясность, афористичность:

«Поитъ струей Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ, небеса» [Державин, 1866; т. 3: 203].

В двадцать седьмой строфе обнаруживается перекличка с эпиграфом, выражающим главную мысль оды:

«Такъ, безъ Него никто къ Отцу
Его приближиться не можетъ» [Державин, 1866; т. 3: 203].

Начиная с двадцать восьмой строфы и до конца оды, нарастают мотивы литургичности, пасхального богослужения, последовательность которого может быть обратной: мотивы Всенощного бдения не предваряют пасхальную заутреню, а следуют за ней. В начале двадцать восьмой строфы возникает мотив Трисвятого («Предвѣчной Правдѣ, трисвятой» [Державин, 1866; т. 3: 204]), в конце — мотив священнического возгласа о мире:

«Возмогъ міръ миромъ примирить» [Державин, 1866; т. 3: 204].

В завершение двадцать девятой строфы звучит парафраз пасхального тропаря («Своей Онъ смертью смерть попралъ» [Державин, 1866; т. 3: 204]), а в тридцать девятой — парафраз песнопения Великой Вечерни:

«О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!» [Державин, 1866; т. 3: 207].

В творчестве Державина вообще и в оде «Христос» в частности значима идея единства закона и благодати или «правосудия» и «милости» [Кочеткова]. Цель Христа, по Державину, — в соединении благости с правосудием:

«Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизить с правосудьемъ»
[Державин, 1866; т. 3: 204].

В тридцатой строфе звучат мотивы оды «Властителям и судьям» (1780):

«И чрезъ примѣръ явилъ сей свой,
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачатъ хулой,
Равно и не коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но правда, вѣра, добродѣтель» [Державин, 1866; т. 3: 204].

Учение Христа находит отклик в душах его учеников — будущих апостолов веры и всех, последовавших за Ним. Этому посвящены строфы 33 и 34. Поступательное и энергичное развитие идеи Любви как одного из Имен Бога в большей мере свойственно четвертой части. Впервые это свойство Бога появляется в третьей части, в четырнадцатой строфе:

«Премудрость, сила и любовь,
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живый»
[Державин, 1866; т. 3: 199].

Эти строки знаменуют собой духовную природу Любви. Антонимичная образность — один из характерных приемов в оде. Божественной Любви противопоставлена исказившаяся в процессе отпадения от Бога человеческая. Если божественная Любовь есть Жертва, то в человеке, отпавшем от Бога, она превращается в самолюбование:

«Но поелику созданъ онъ
Съ свободною душой изъ персти;
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести:
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ быть Богъ — и возгордился»
[Державин, 1866; т. 3: 200].

Любовь как одно из Имен Христа звучит в 18, 20, 23 строфах третьей части. Любовь помогает падшему восстать из глубокого мрака, она смиряет «страстей злыхъ ревы» [Державин, 1866; т. 3: 201]; «возводитъ всѣхъ къ себѣ» «смиреніемъ,

терпѣньемъ, / Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ» [Державин, 1866; т. 3: 201], «любовью к Божеству» [Державин, 1866; т. 3: 202]. В четвертой части анализируется проявление *абсолютной* Любви, направленной в 31 строфе на врагов, а в 33-й — на верующих. «Строфой любви» можно назвать тридцать пятую, первая строка которой начинается так:

«Христосъ весь благость, весь любовь»

[Державин, 1866; т. 3: 206].

Завершается она риторическим вопросом:

«…любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?» [Державин, 1866; т. 3: 206].

В последних строках четвертой части имя Христа-Любви предстает через символы Троицы:

«Отецъ и Сынъ и Духъ Святый,
Незримый Свѣтъ тріипостасный» [Державин, 1866; т. 3: 206–207].

Это Свет, Эдем и Храм, причем под образом храма выступают «святы сердца» [Державин, 1866; т. 3: 207]. Вместе они олицетворяют собой Новый Иерусалим, нерукотворный храм.

Интересные наблюдения о значении образа храма в поэзии Державина есть у Д. Л. Башкирова [Башкиров, 2001: 86–87]. Символами храма у Державина предстают хижина Петра, гнездо как храм природы, рождение человека во Христе, храм мироздания, Византийская Империя [Башкиров, 2001: 86–88]. Эти наблюдения приводят исследователя к глубокому обобщению: «…русская поэзия, начиная с Державина, пронизана этими прекрасными формами храмового зодчества…» [Башкиров, 2001: 88].

Топос в оде «Христос» всецело храмовый. Поэт славословит Бога, будучи «какъ бы на небо восхищенный» [Державин, 1866; т. 3: 194]. Небесный топос оказывается литургическим, вневременным. Державин в большей степени сосредотачивается в оде «Христос» на внутреннем храме души человека, поэтому подлинным храмом Христа являются, как уже выше упоминалось, «святы сердца» [Державин, 1866; т. 3: 207].

Живописец Державин отказывается в оде «Христос» от поэтической цветописи. Державинские цветоупотребления здесь почти эпизодичны и относятся к сфере иконописи. Из наиболее встречаемых колоритизмов — *белый, пурпурный* (цвет крови) и любимый державинский *золотой*. Оде «Христос» присуща метафизика сияния, она лучезарна.

Тридцать восьмая строфа завершается обретением Христа и свидетельством единства и любви в Нем, поэтому уже в первой строке появляется *соборное мы*:

«Христосъ насъ Искупитель всѣхъ

<…>

Христа нашедши, все находимъ,

Эдемъ свой за собою водимъ,

И храмъ Его — святы сердца» [Державин, 1866; т. 3: 207].

Сюжет поиска Христа завершен. Встреча с Ним разрешает и вопросы поэтического творчества: проблему изображения Неизобразимого. Личное и Всеобщее оказываются условиями подлинной поэзии, осуществление которых зримо воплощается в оде «Христос». Творческое начало предстает как дар и следствие духовного подвига. Для Державина подлинное творчество вне Христа невозможно, оно теряет свой онтологический смысл.

В пятую часть оды, которую можно назвать частью благодарения, непосредственной личной молитвой к Богу, входят две строфы: тридцать девятая и сороковая. Финал оды «Христос» подобен финалу оды «Бог»: он сверхриторичен [Есаулов: 59], а ода «Христос» предстает и как толкование на оду «Бог» и как поэтически автономное произведение.

Последние две строфы объединены мотивом умиления [Захаров: 163]. Это душевное состояние рождается через слезный дар, обретенный Державиным во время пасхального всенощного бдения [Державин, 1866; т. 3: 594]. В структуре тридцать девятой строфы эта связь очевидна, настолько близко расположено известное песнопение Великой вечерни к мотиву слез:

«О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй!»

[Державин, 1866; т. 3: 207–208].

В сороковой строфе Державин формулирует духовный закон творчества, состоящий в смирении перед Богом и дерзновении «грешного сердца». Поэт находится в состоянии молитвенного диалога с Богом:

«Услышь меня, о Богъ любви!» [Державин, 1866; т. 3: 208].

Оды «Бог» и «Христос», являясь вершинами поэзии Державина, опровергают мнение о маргинальности религиозного творчества поэта. Ода «Христос» — яркое опровержение критического взгляда об угасании поэзии Державина в поздние годы. Поэтической стихии оды присуща феноменальная энергия стиха, гениальность воплощения вероучительных, богословских, догматических истин в поэтические образы.

Последней мыслью-аккордом в поэтическом сверхтексте Державина является ода «На тленность», написанная поэтом на аспидной доске за три дня до кончины. Импульсом для написания стихов послужило эмблематическое изображение всемирной истории «Река времен» [Державин, 1866; т. 3: 235], висевшее в кабинете поэта в новгородском имении Званка и в его доме в Санкт-Петербурге. На это изображение Державин успел написать всего восемь строк, создав своеобразный экфрасис. В гротовских изданиях сочинений Державина: первом (1864–1883) и втором (1868–1878) оно было опубликовано в разделе «Последние стихи Державина». Написанное грифелем, как объясняет в примечаниях Грот, оно было затем переписано одним из родственников Державина на бумагу [Державин, 1866; т. 3: 235]:

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!»

[Державин, 1866; т. 3: 235–236].

В одах «Бог» и «Христос» — адресат Бог, в оде «На тленность» — человек, человечество. Исследователи этого текста интерпретируют его по-разному. Последние четыре строки А. В. Западов называет «пессимистическими» [Западов: 178]. Эту же мысль развивает и Ю. И. Минералов, отмечая в оде следы «барочного трагизма», «смятенность духа» [Минералов: 188], «безысходно-трагедийный итоговый набросок» [Минералов: 189]. М. М. Дунаев обосновывает иное понимание этого текста. Он прочитывает оду как расставание с иллюзией о «ложном бессмертии» в поэзии [Дунаев: 48]. Такое понимание этой оды нам кажется наиболее точным.

В последней оде Державина язык проще, по звучанию он почти приближается к современному. Ода «На тление» выступает своеобразным *послесловием*, еще одним авторским комментарием к одам «Бог» и «Христос», подводящим итог размышлениям поэта о времени и вечности, о творчестве и бессмертии.

Конфликт *времени и вечности* в творчестве и жизни Державина заканчивается победой вечности. В последней оде Державин подвергает проверке вечностью *дела, царства, деятельность царей, поэзию, культуру.* И если раньше Державин утверждал, что поэт не умирает («А я піитъ — и не умру» [Державин, 1864; т. 1: 221]), то перед лицом смерти он не может свидетельствовать против Истины: поэзия и культура так же, как и все остальное, сами по себе абсолютной ценностью не обладают, а значит, не спасают. Нет истины, поэзии и культуры вне Христа — все, что вне, пожрется жерлом вечности.

В этом — трагический оптимизм Державина, основанный на православном мироощущении: жить между страхом Божиим и надеждой на спасение души. Ода «На тленность» — это христианский ответ на выбор человека между временем и вечностью, его мужественное предстояние перед Богом в последние земные мгновения.

Три вершинных оды Державина, созданных в середине и в конце поэтического пути, в контексте всего творчества поэта — яркое свидетельство его православного вероисповедания. Он никак не деист, как нередко его характеризовали в монографиях [Западов: 171] и учебниках по истории русской литературы XVIII в. [Федоров: 225]. В оде «Христос» воплощаются все основные свойства церковного канона, присущего восточно-славянской церковной книжности XI–XVII вв. (литургичность, благодатность, молитвенность, исповедность, богопознание, сотериологичность, поучительность, соборность) [Левшун: 29–30].

Совмещая в своем творчестве поэта-созерцателя и поэта-живописца и выходя за рамки классицизма, сентиментализма и романтизма, Державин достиг в нем равновесия земного и небесного начал. Его поэзии присущ высший тип лиризма — религиозный, в ней доминируют частная, историческая и соборная личности. Отказываясь от масок витии, ритора / оратора, свойственных античной культуре, он говорит от лица героя-автора — участника и свидетеля всемирных событий. Державин — один из самых парадоксальных и гениальных поэтов в русской словесности, нуждающийся в объективном и глубоком изучении его творчества в контексте его природной связи с православной традицией.

Символично, что творчество Державина завершается абсолютной вневременной вершиной, шедевром мировой поэзии и вместе с тем личным исповеданием веры. Ода «Христос» Державина — своего рода художественный парафраз Иисусовой молитвы, завещание поэта будущему веку и указание направления пути: куда, вернее, к Кому плыть России.

Список литературы

1. Башкиров Д. Л. Ода Г. Р. Державина «Бог» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 140–150 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2480 (14.07.2026). EDN: RUYKEJ
2. Башкиров Д. Л. Тема смерти и бессмертия в творчестве Г. Р. Державина и поэзия свт. Григория Богослова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 81–90 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2559 (14.07.2026). EDN: RUYKUD
3. Белинский В. Г. Сочинения Державина // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. / редкол. и вступ. ст. Н. К. Гей и др. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. С. 7–73.
4. Бухаркин П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: проблемы культурного диалога. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 168 с. EDN: ZMLFYH
5. Вяземский П. А. О Державине // Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. / сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 7–12.
6. Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Московской патриархии; Киев: [б. и.], 2009. Т. 6. С. 155–196.
7. Гуковский Г. А. Державин // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: учеб. для студентов вузов / вступ. ст. А. Зорина. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 281–306. (Сер.: Классический учебник.)
8. Державин Г. Р. Соч.: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864–1883.
9. Державин Г. Р. Соч.: в 7 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. 2-е акад. изд. (без рис.). СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1868–1878.
10. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2003. 1056 с.
11. Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 14. С. 45–67 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920409.pdf (14.07.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3722. EDN: XQZXIJ
12. Западов А. В. Мастерство Державина. М.: Сов. Писатель, 1958. 259 с.
13. Захаров В. Н. Умиление как категория поэтики Достоевского // Теория традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 163–185. EDN: UALYVI
14. Клейн И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: ЯСК, 2021. 464 с. (Сер.: Studia Philologica.)

15. Коровин В. Л. Ода «Идолопоклонство» и духовные стихотворения Г. Р. Державина 1810 г. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 114–126 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30793000_43288247.pdf (14.07.2026). EDN: ZXVXTN
16. Коровин В. Л. Последние звуки церковного органа русской поэзии (интервью от 12 июля 2018) // Православие.ru [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/114348.html (14.07.2026).
17. Коровин В. Л. Стихотворение Г. Р. Державина «Проблеск»: автобиография в свете евангельских заповедей блаженства // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 147–160 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2023_06_13.pdf (14.07.2026). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-13. EDN: WIYOOW
18. Кочеткова Н. Д. «Правосудие» и «милость» в поэзии Державина // XVIII век: [сб.] / отв. ред. Н. Д. Кочеткова; СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 72–78 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7571 (14.07.2026). EDN: TIHBLX
19. Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2001. 351 с.
20. Минералов Ю. И. История русской литературы XVIII в.: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007. 383 с.
21. Полевой Н. А. Сочинения Державина // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика: статьи и рецензии 1825–1842 / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. Березиной, И. Сухих. Л.: Худож. лит., 1990. С. 136–194. (Сер.: Русская литературная критика.)
22. Приказчикова Е. Е. Духовные стихотворения Г. Державина и ода «Христос» // Дергачевские чтения — 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат-лы VI Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 02–03 октября 2002 г. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 138–146.
23. Федоров В. И. Г. Р. Державин // Федоров В. И. История русской литературы XVIII века: учеб. для студентов пединститутов. М.: Просвещение, 1982. С. 211–239.
24. Ходасевич В. Ф. «Слово о полку Игореве» // Ходасевич В. Ф. Избранная проза / предисл. и примеч. Н. Берберовой. New York: Russica, 1982. С. 15–21.

References

1. Bashkirov D. L. Gavrila Derzhavin's Ode to God. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 140–150. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2480 (accessed on July 14, 2026). EDN: RUYKEJ (In Russ.)

2. Bashkirov D. L. Theme of Death and Immortality in Gavrila Derzhavin's Poetry and Saint Gregory the Theologian's Poetry. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 81–90. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2559 (accessed on July 14, 2026). EDN: RUYKUD (In Russ.)
3. Belinskiy V. G. Derzhavin's Works. In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy*: *v 9 tomakh* [*Belinsky V. G. The Collected Works*: *in 9 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, vol. 6, pp. 7–73. (In Russ.)
4. Bukharkin P. E. *Pravoslavnaya tserkov' i russkaya literatura v XVIII–XIX vekakh*: *problemy kul'turnogo dialoga* [*The Orthodox Church and Russian Literature in the 18th — 19th Centuries*: *Problems of Cultural Dialogue*]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1996. 168 p. EDN: ZMLFYH (In Russ.)
5. Vyazemskiy P. A. About Derzhavin. In: *Vyazemskiy P. A. Sochineniya*: *v 2 tomakh* [*Vyazemsky P. A. The Works*: *in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 2, pp. 7–12. (In Russ.)
6. Gogol' N. V. What Is Finally the Essence of Russian Poetry and Its Peculiarity. In: *Gogol' N. V. Sobranie sochineniy i pisem*: *v 17 tomakh* [*Gogol N. V. The Collected Works and Letters*: *in 17 Vols*]. Moscow, Kyiv, The Moscow Patriarchate Publ., 2009, vol. 6, pp. 155–196. (In Russ.)
7. Gukovskiy G. A. Derzhavin. In: *Gukovskiy G. A. Russkaya literatura XVIII veka*: *uchebnik dlya studentov vuzov* [*Gukovsky G. A. Russian Literature of the 18th Century*: *A Textbook for University Students*]. Moscow, Aspect Press Publ., 1999, pp. 281–306. (Ser.: The Classical Textbook.) (In Russ.)
8. Derzhavin G. R. *Sochineniya*: *v 9 tomakh* [*The Works*: *in 9 Vols*]. St. Petersburg, tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1864–1883. (In Russ.)
9. Derzhavin G. R. *Sochineniya*: *v 7 tomakh* [*The Works*: *in 7 Vols*]. 2nd academic ed. (without fig.). St. Petersburg, tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1868–1878. (In Russ.)
10. Dunaev M. M. *Vera v gornile somneniy. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [*The Faith in the Crucible of Doubt. Orthodoxy and Russian Literature in the 17th — 20th Centuries*]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2003. 1056 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. The Ode "God" ("Богъ") by G. R. Derzhavin: The New Understanding. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, vol. 14, pp. 45–67. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920409.pdf (accessed on July 14, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3722. EDN: XQZXIJ (In Russ.)
12. Zapadov A. V. *Masterstvo Derzhavina* [*Derzhavin's Mastery*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1958. 259 p. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. Tenderness as a Category of Dostoevsky's Poetics. In: *Teoriya traditsii*: *khristianstvo i russkaya slovesnost'* [*The Theory of Tradition*: *Christianity and Russian Literature*]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 163–185. EDN: UALYVI (In Russ.)

14. Klein J. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoy literature XVIII veka* [*Under Catherine. Works on Russian Literature of the 18th Century*]. Moscow, YASK Publ., 2021. 464 p. (Ser.: Studia Philologica.) (In Russ.)
15. Korovin V. L. The Ode "Idolatry" and Spiritual Derzhavin's Songs of the 1810th. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9*: *Filologiya* [*Moscow State University Bulletin. Series 9*: *Philology*], 2017, no. 1, pp. 114–126. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30793000_43288247.pdf (accessed on July 14, 2026). EDN: ZXVXTN (In Russ.)
16. Korovin V. L. The Last Sounds of the Church Organ of Russian Poetry (Interview from July 12, 2018). In: *Pravoslavie.ru*. Available at: https://pravoslavie.ru/114348.html (accessed on July 14, 2026). (In Russ.)
17. Korovin V. L. G. R. Derzhavin's Poem "Glimpse": An Autobiography in the Light of the Gospel Beatitudes. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9*: *Filologiya* [*Lomonosov Philology Journal. Series 9*: *Philology*], 2023, no. 6, pp. 147–160. Available at: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2023_06_13.pdf (accessed on July 14, 2026). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-13. EDN: WIYOOW (In Russ.)
18. Kochetkova N. D. "Justice" and "Mercy" in Derzhavin's Poetry. In: *XVIII vek* [*18th Century*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, collection 20, pp. 72–78. Available at: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7571 (accessed on July 14, 2026). EDN: TIHBLX (In Russ.)
19. Levshun L. V. *Istoriya vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI–XVII vv.* [*The History of the East Slavic Book Word of the 11th — 17th Centuries*]. Minsk, Ekonompress Publ., 2001. 351 p. (In Russ.)
20. Mineralov Yu. I. *Istoriya russkoy literatury XVIII v.* [*The History of Russian Literature of the 18th Century*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 383 p. (In Russ.)
21. Polevoy N. A. Derzhavin's Works. In: *Polevoy N. A., Polevoy Ks. A. Literaturnaya kritika*: *stat'i i retsenzii 1825–1842* [*Polevoy N. A., Polevoy Ks. A. The Literary Criticism*: *Articles and Reviews 1825–1842*]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 136–194. (Ser.: Russian Literary Criticism.) (In Russ.)
22. Prikazchikova E. E. Derzhavin's Spiritual Poems and the Ode "Christ". In: *Dergachevskie chteniya —2002. Russkaya literatura*: *natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti*: *materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Yekaterinburg, 02–03 oktyabrya 2002 g.* [*Dergachev Readings — 2002. Russian Literature*: *National Development and Regional Features*: *Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, October 2–3, 2002*]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2004, pp. 138–146. (In Russ.)
23. Fedorov V. I. G. R. Derzhavin. In: *Fedorov V. I. Istoriya russkoy literatury XVIII veka*: *uchebnik dlya studentov pedinstitutov* [*Fedorov V. I. The History of 18th Century Russian Literature*: *A Textbook for Students of Pedagogical Institutes*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982, pp. 211–239. (In Russ.)

24. Khodasevich V. F. "The Tale of Igor's Campaign". In: *Khodasevich V. F. Izbrannaya proza* [*Khodasevich V. F. Selected Prose*]. New York, Russica Publ., pp. 15–21. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (ул. Университетская, 1/2, г. Ижевск, Российская Федерация, 426034); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5342-7305; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Galina V. Mosaleva, PhD (Philology), Professor of the Department of History of Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (ul. Universitetskaya 1/2, Izhevsk, 426034, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5342-7305; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.08.2026
Принята к публикации / Accepted 02.09.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026